

ЧИНГИС-ХАН И ЕГО НАСЛЕДИЕ

Н. Я. МЕРПЕРТ, В. Т. ПАШУТО, Л. В. ЧЕРЕПНИН

В международной историографии не раз находились¹ и встречаются поныне авторы, готовые славословить сильную личность Чингис-хана и мнимые заслуги его преемников. Таким историкам, как Г. Вернадский, Б. Шпулер, В. Правдин (М. Черол)² и другим нет дела до судеб и страданий народов. Они ищут в истории спасительные примеры подчинения масс вождям во имя завоеваний. Интерес к Чингис-хану и его наследию сочетается в их книгах с клеветой на героическое прошлое народов, сбросивших в конце концов ненавистное «злогорькое» ярмо.

Вопрос о Чингис-хане и его наследию требует объективного рассмотрения.

ОБРАЗОВАНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА, ЕГО ЗАВОЕВАНИЯ В АЗИИ И ИХ КРАХ

В 1206 г. курултай, собравшийся на реке Ононе и состоявший из виднейших кочевых феодалов Монголии, провозгласил Темучина, сына Есугея-баатура, верховным владыкой монголов с именем Чингис-хан. Род Чингис-хана был поставлен во главе «всех поколений», живущих в войлочных кибитках; все монгольские племена и роды были объявлены улусом Чингис-хана и вся их территория — его юртом³.

Этот акт знаменовал завершение длительной борьбы за создание монгольского государства. На протяжении второй половины XII в. нарождавшаяся степная скотоводческая знать — нойонство — боролась против старых родо-племенных организационных форм, за установление новых, классовых отношений, которые наш крупнейший монголовед акад. Б. Я. Владимирцов назвал «монгольским кочевым феодализмом»⁴. Вместе с тем борьба за власть и добычу между отдельными феодальными вождями приводила к бесконечным межплеменным войнам, обострявшим разобщенность монголов, тормозившим их развитие, препятствовавшим процессу сложения монгольской народности.

¹ См. Н. Н. Howorth. *History of the Mongols*, v. 1—4, London, 1876—1927, v. 1, p. X—XI; И. Р. Наследие Чингис-хана, Берлин, 1925; Г. Вернадский. Монгольское иго в русской истории. «Евразийский временник», т. V, 1927, стр. 153—164; Эрэнжен Хара-Даван. Чингис-хан как полководец и его наследие, Белград, 1929; A. Zeki Validi (Togan). *Considération sur la collaboration scientifique entre l'Orient islamique et l'Europe*. «Revue d'études islamiques», 1953, p. 269.

² G. Vernadsky. *The Mongols and Russia*, New-Haven, 1953 (см. рецензию — «Вопросы истории», 1955, № 8, стр. 180—186); B. Spuler. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland (1223—1502)*, Leipzig, 1943, S. VII, 20, 22—24; M. Prawdin. *Tschingis-Chan und sein Erbe*, Stuttgart, 1957, см. также R. Grosset. *Gengis Khan le conquérant du monde*, Paris, 1953.

³ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. *Золотая Орда и ее падение*, М.—Л., 1950, стр. 45.

⁴ Б. Я. Владимирцов. *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934.

Курултай 1206 г. официально объявил о создании единого государства, подчинив ему вождей всех основных племенных объединений. Сепаратизму отдельных нойонов был нанесен решающий удар. Создались условия для преодоления племенной разобщенности, для объединения всех разрозненных племен в единую монгольскую народность. Не меньшую роль формирование государства сыграло и в социально-экономическом развитии монголов. Начальная стадия развития феодальных отношений была пройдена. Новое государство явилось важнейшим этапом на пути к окончательному становлению классового общества, к полной победе феодальных форм эксплуатации⁵. Заметно усилились и связи монголов, лишь выходявших в это время на арену мировой истории, с высокоразвитыми соседними государствами, прежде всего с Китаем и Средней Азией. Активная торговля, появление в ханской ставке и при дворах крупных феодалов китайских и среднеазиатских ремесленников немало способствовали экономическому прогрессу молодого государства⁶.

Огромное значение всех этих событий в истории монгольского народа безусловно. Для своего времени создание монгольского феодального государства было важным прогрессивным явлением⁷. И нельзя отрицать определенной роли, принадлежащей в процессе борьбы против раздробленности, за сплочение племен в рамках единого государства Темучину, крупному полководцу, видному организатору и политику.

Сын вождя одного из родо-племенных объединений Есугея-баатура,— Темучин рано столкнулся с превратностями судьбы в раздираемом постоянной враждой обществе монгольских феодалов. Пережив годы бедствий после смерти отца, Темучин благодаря своим редким военным талантам и разобщенности противников дерзкими набегами сумел захватить обширные земли и многочисленные стада и добиться положения одного из крупнейших феодальных вождей. Вокруг него сплотившись большая и мощная дружина, с помощью которой он одного за другим разгромил своих основных соперников в борьбе за власть: вождя племени мэркитов Тохтоа, вождя кэрэитов Ван-хана, Джамуху и других вождей. Этими победами, созданием большой и хорошо организованной армии и рядом социальных мер, направленных к сплочению вокруг себя привилегированного сословия нойонов, нукэров и дарханов — вновь народившейся степной феодальной аристократии — Темучин предопределил решение курултая 1206 г. Он пришел на курултай победителем и ушел с него Чингис-ханом — всемонгольским каганом, первым главой первого монгольского государства. Тем самым получил завершение значительный этап в политической и военной деятельности Темучина.

Однако и при рассмотрении этого этапа следует избегать крайностей и прежде всего переоценки роли одной личности, даже такой незаурядной как Темучин, в сложном социально-экономическом процессе создания монгольского государства. Такая переоценка характерна для реакционной буржуазной историографии, игнорирующей подлинные закономерности истории общества и наводняющей человеческую историю «сильными личностями», «создателями государств», воплощателями «идеи государства». Естественно, Чингис-хан явился одним из изблюбленных героев такого рода «концепций». Достаточно указать здесь на один, быть может, наиболее характерный пример. В печально известной книге Г. Вернадского «Монголы и Русь» начало монгольской государственности связано прежде всего с возникновением «имперской идеи», победившей «примитивные представления феодализирующегося клано-

⁵ «История Монгольской Народной Республики», М., 1954, стр. 88.

⁶ Б. Д. Греков и Ю. А. Якубовский. Указ. соч., стр. 48.

⁷ «История Монгольской Народной Республики», стр. 90.

вого общества». Носительницей этой «идеи» явилась определенная «интеллектуальная среда» (?), которая и породила Чингис-хана⁸. В то же время воплощением «идеи» стало и само государство. Таким образом, между «имперской идеей», Чингис-ханом и государством фактически поставлен знак равенства. Непомерное возвеличение личности Чингис-хана теснейшим образом связано здесь с общими идеалистическими представлениями о ходе истории вообще и конкретно — о ходе монгольской истории.

В действительности Монгольское государство возникло в результате внутренних социально-экономических процессов и обострения классовой борьбы в монгольском обществе⁹, и деятельность Чингис-хана на этом, мы бы сказали позитивном, ее этапе носила сугубо внутренний характер. Она соответствовала исторически закономерным путям развития монгольских племен и способствовала ряду прогрессивных изменений в их жизни (преодоление племенной разобщенности, централизация управления, политическое объединение Монголии в едином государстве и т. д.)¹⁰.

Но этот этап как в истории монголов, так и в деятельности Чингис-хана окончился в 1211 г., когда развитие монгольской государственности и консолидация монгольской народности были прерваны началом грабительских походов. Начался новый период, не только губительный для завоеванных народов, но и сыгравший резко отрицательную роль в жизни самого монгольского народа. Некоторые буржуазные ученые смешивают прогрессивный факт создания Монгольского государства с его дальнейшими завоеваниями и образованием реакционной захватнической империи¹¹. Такое смешение необходимо решительно отвергнуть, поскольку явления эти резко отличны по содержанию и исторической роли. Можно считать доказанным, что Монгольское государство и структура его сложились до начала завоеваний, т. е. до 1211 г.¹². Что же касается завоевательных походов, то они помешали подъему производительных сил страны, ее экономическому и культурному росту, а следовательно, затормозили и развитие государственности¹³. Попытаться представить грабительские войны Чингис-хана и его наследников как обязательный (а тем более решающий) этап в создании Монгольского государства — значит клеветать на монгольский народ, зачеркивая подлинно прогрессивные явления в его истории.

Нет, не с путями создания Монгольского государства связаны захватнические походы, залившие кровью значительную часть Азии и Европы, разбросавшие по огромной территории лишь начавшую консолидироваться монгольскую народность. Вряд ли нуждается в опровержении и объявление этих походов дальнейшим развитием «имперской идеи» или плодом специфически монгольского «духа завоеваний». Подлинные причины завоеваний следует искать в особенностях монгольского феодализма, развивавшегося на основе экстенсивного кочевого скотоводства. Крайне ограниченная собственная экономическая база не могла удовлетворить жажду феодалов и их дружинников к обогащению. Длительному и трудному пути внутреннего развития монгольские феодалы и возглавивший их Чингис-хан предпочли более легкий, а на первых порах и более эффективный путь ограбления соседних земледельческих государств. Одним из важнейших факторов здесь явилась также специфика исторических условий, сложившихся к началу XIII в. в соседних феодальных странах, прежде всего в Китае и Средней Азии, ко-

⁸ G. Vernadsky. Указ. соч., стр. 92, 99.

⁹ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 46, и сл.

¹⁰ «История Монгольской Народной Республики», стр. 91.

¹¹ G. Vernadsky. Указ. соч.

¹² Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 47.

¹³ «История Монгольской Народной Республики», стр. 91.

торые были связаны с Монголией еще до Чингис-хана. Ослабленные классовой борьбой и феодальными распрями, эти страны не могли реализовать для отпора свой экономический и военный потенциал, не могли противостоять сплоченной, сохранившей еще патриархальную дисциплину монгольской армии. Как правило, успех больших кочевнических вторжений объясняется не только их собственной силой, но и слабостью объектов их нападения. Так было с гуннами и аvaraми, так было и с монголами, которые, воспользовавшись ослаблением соседних государств, начали экспансию, по своим масштабам и губительным последствиям превосходящую как гуннские, так и аварские завоевания.

Первые удары монгольской феодальной армии обрушились на государство Цзинь, образовавшееся в начале XII в. (1115 г.) и охватывавшее часть территории Монголии, Маньчжурии и Северного Китая. Во главе государства стояла чуждая китайскому народу чжурженская династия, вышедшая из феодальной верхушки тунгусских племен, разгромивших в 1125 г. киданьскую империю Ляо. Система жесточайшей эксплуатации и ограбления завоеванного населения, а также упорная борьба китайского народа против чжурженских поработителей обусловили внутреннюю слабость государства Цзинь. Несмотря на первоклассное для своего времени китайское вооружение и весьма совершенную военную технику, армии цзиньских императоров в ряде сражений были наголову разбиты Чингис-ханом. За три года монгольские полчища опустошили огромную территорию Северного Китая, дойдя до Пекина (Чжунду) и овладев им.

Власть цзиньской династии была значительно подорвана. Правителем северных областей Китая Чингис-хан назначил одного из своих полководцев — Махули. Но поход отнюдь не ограничился разгромом цзиньских армий и цзиньской династии. Подобно всем монгольским завоеваниям, он обрушился на Северный Китай, «как ураган, который сносил вместе с материальными ценностями и жизни сотен тысяч людей»¹⁴. Армии Чингис-хана не только не принесли китайскому народу облегчения после столетнего гнета тунгусских завоевателей, но подвергли его еще более тотальному ограблению, еще более страшным бедствиям. Из опустошенной страны была вывезена огромная добыча и угнаны тысячи пленников. Среди последних особое место занимали ремесленники, вынужденные теперь отдавать свое мастерство вооружению армий монгольских захватчиков. Угнанные в монгольское рабство, китайские ремесленники жестоко эксплуатировались при ставках монгольских феодалов, паразитически использовавших замечательные достижения китайского ремесла. Употребление китайского вооружения и военной техники — прежде всего стенобитных и камнеметных машин, создание чужими руками больших ремесленных центров, производивших это вооружение, сыграли немалую роль в дальнейших завоевательных походах монгольских армий, в том числе и против самого Китая.

Одним из таких ремесленных центров стал основанный в 1220 г. город Кара-Корум — первая столица Монгольской империи. Археологическими раскопками этого города открыты большие ремесленные районы, многочисленные мастерские, в которых производили оружие и транспортные средства, обеспечивавшие исключительную подвижность больших монгольских армий.

Следующей жертвой монгольских завоеваний в Центральной Азии явилось государство тангутов — ветви тибетских племен. Начало этому государству было положено еще в конце IX в., а с 1038 г. оно было известно под китайским наименованием Си-Ся. В 1226 г., возвратившись из опустошительного похода на запад, Чингис-хан вторгся в государство Си-Ся. Террористическая система разрушений и поголовного уничто-

¹⁴ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 49.

жения была применена здесь в такой мере, что государство перестало существовать, территория его превратилась в безлюдную пустыню, а города занесены песком. И лишь упорные исследования советских ученых приподняли завесу над, казалось бы, безвозвратно утраченной культурой народа, ставшего жертвой одного из наиболее вопиющих злодеяний Чингис-хана и его приспешников¹⁵.

Возвращаясь из тангутского похода, в 1227 г. Чингис-хан умер. Но наследники его — «ханы дома Чингисова» — с немалым рвением продолжали грабительские походы, завоевания и порабощение народов как на западе, так и на востоке, — в Центральной и Юго-Восточной Азии.

В 1231 г. большая армия во главе с великим ханом Угэдэем и младшим сыном Чингис-хана Толуем вторично ворвалась в Северный Китай и подошла к еще сохранившимся на юге чжурженским центрам. Встретив упорное сопротивление, монголы привлекли в качестве союзника императора Южного Китая, обещав передать ему провинцию Хэнань. Одновременными ударами с севера и с юга силы чжурженей были окончательно сломлены. Их последний император покончил с собой, а государство перестало существовать. Что же касается императора Южно-Сунской династии, то он не только не получил обещанной провинции, но и сам со своим государством оказался перед лицом страшной опасности: монгольские армии продвинулись теперь к самым границам Южного Китая.

Паразитическая феодальная верхушка Монгольской империи достаточно быстро использовала награбленные богатства и жаждала новых захватов, опустошения новых территорий. Вместе с тем непрерывные войны требовали постоянного притока продовольствия, сырья, оружия, рабов-ремесленников, рабов-земледельцев. Экономика самой Монголии, людские и материальные ресурсы которой целиком поглощались захватническими войнами, была крайне слаба. И это обуславливало продолжение и расширение экспансии.

Передышка в Китае длилась немногим более 20 лет. Все это время Китай продолжал оставаться одним из главных объектов агрессивных планов Чингизидов. Для утверждения власти над Северным Китаем и усиления эксплуатации его населения, великий хан Мункэ в 1255 г. приказал своему брату Хубилаю учредить ставку в самом Китае. В следующем, 1256 г. в провинции Чахар был построен город Кэйпин, очень скоро ставший соперником монгольской столицы Кара-Корума. В последующие годы орды Хубилая вторглись в провинции Сычуань и Хубэй что было началом завоевания Южного Китая.

Военные действия были прерваны на короткий срок в 1259 г. в связи со смертью Мункэ-хана и борьбой между его братьями за ханский престол. Победителем в этой борьбе стал Хубилай. Он был избран великим ханом голосами лишь своих приближенных, нарушив традицию, требовавшую созыва курултая. И произошло это не в Кара-Коруме, а в Кэйпине, куда и была перенесена столица империи, перекочевавшая после 1267 г. еще южнее — в «Главную столицу» Дайду, переименованную позднее в Пекин. Тем самым Хубилай оторвался не только от основной массы своего народа, но даже от части феодалов, которые создали ряд оппозиционных группировок на собственной монгольской территории. Чтобы укрепить свое положение, Хубилай пошел обычным путем захватнической войны и с огромной армией начал генеральное наступление на Южный Китай.

Несмотря на междоусобицу, раздиравшую Южно-Сунскую империю, китайский народ оказал ожесточенное сопротивление захватчикам. Лишь после упорных и кровопролитных боев в районе среднего течения Янцзы

¹⁵ П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото, М., 1947; Н. А. Невский. Тангутская филология, М., 1960.

монгольские армии прорвались на юг, но и там еще ряд лет продолжалась героическая борьба народных масс и армий Китая против орд Хубилая. Лишь в 1276 г. пала столица Южного Китая Ханьчжоу, а к 1279 г. территория страны полностью оказалась во власти монголов.

Великий хан Хубилай одновременно присвоил себе титул императора Китая и дал начало Юаньской династии, династии захватчиков, почти столетие порабощавших китайский народ.

К этому времени монгольские завоевания охватили колоссальную территорию. Средняя Азия и Восточная Европа подверглись опустошительному нашествию, на котором мы несколько ниже остановимся специально. Что же касается государств Западной, Центральной и Юго-Восточной Азии, то лишь немногие из них избежали грабительских вторжений монгольских орд и паразитического владычества монгольских феодалов.

На западе еще при Чингис-хане началось завоевание Ирана¹⁶, сопровождавшееся страшной резней, разрушением оросительных каналов, уничтожением замечательных культурных центров страны. Цветущие еще недавно оазисы были превращены в пастбища, а такие города, как Герат, Нишапур, Рей, Казвин, Хамадан почти полностью обезлюдели. Достаточно указать, что в Герате, насчитывавшем несколько сот тысяч жителей, после монгольской резни уцелело лишь 40 человек. «Сомнения нет,— писал в 1340 г. персидский географ Хамдаллах Казвини,— что разруха и всеобщая резня, бывшие при появлении Монгольской державы, таковы, что если бы и за тысячу лет никакого другого бедствия не случилось, их все еще не исправить, и мир не вернется к тому первоначальному состоянию, какое было прежде этого события»¹⁷.

Второй этап порабощения страны начался в 50-х годах XIII в., когда по приказу великого хана Мункэ брат его Хулагу взял исмаилистские крепости в горах Альбурс и в 1256 г. покончил с государством исмаилитов, установив господство над всем Ираном. Вслед за этим Хулагу ворвался в аббасидский халифат и подверг его столь же страшному опустошению, завершившемуся взятием и разграблением знаменитой столицы халифата — Багдада. Последний халиф Мустасим был убит, и с ним прекратила существование аббасидская династия. Монгольские орды рвались дальше на запад и юго-запад, угрожая Сирии, Палестине, Северной Африке. И лишь мощный удар со стороны арабских войск мамлюкского султана Египта Бейбарса, наголову разбившего захватчиков при Айн-Джалуте (Сирия) в 1260 г., пресек вторжение в эту часть Азии.

На противоположном конце Азии — в Корее — монгольские захватчики также появились еще во времена Чингис-хана, когда отряды их «пришли на помощь» корейскому временщику Цой Чхун-хэну в борьбе с киданями. Несколько позднее, в 1231 г., используя в качестве предлога убийство монгольского посла, орды Угэдея опустошили северную часть полуострова. В результате ряда последующих вторжений монгольские феодалы к 1259 г. полностью поработили Корею, король которой признал себя вассалом великого хана и остался лишь номинальным главой государства. Корейский народ, как и ряд других народов, оказался под двойным гнетом — собственных феодалов и монгольских захватчиков, жестоко эксплуатировавших страну и превративших ее в базу дальнейшей агрессии.

Главным объектом военных планов монгольских феодалов явилось теперь последнее из непокоренных государств Восточной Азии — Япония. Предвидя трудности десантной операции и упорное сопротивление японского народа, монгольские ханы дважды — в 1268 г. и 1271 г. — пытались подчинить Японию путем угроз и дипломатического нажима. Эти попытки были безрезультатны, и в 1274 г. большой флот хана Хубилая, захватив острова Цусима и Ики, подошел к берегам Японии и попытался

¹⁶ Эренжен Хара-Даван. Указ. соч., стр. 118 и сл.

¹⁷ Цит. по «Всемирной истории», т. III, М., 1957, стр. 578.

высадить десант на острове Кюсю, поддерживая его захваченными в Китае огнеметательными орудиями. Однако стойкость японских дружин и сильная буря, потрепавшая монгольский флот, предотвратили вторжение. Потеряв в бою своего главнокомандующего Лю, армия Хубилая вернулась в Корею. Столь же неудачной, несмотря на длительную подготовку, была и вторая попытка вторжения, предпринятая Хубилаем в 1281 г. Огромный флот, насчитывавший свыше тысячи судов, был отражен японцами, которым помогла разыгравшаяся и на этот раз сильная буря, уничтожившая значительную часть армады Хубилая. Таким образом, самоотверженная борьба японского народа предотвратила поражение. Япония осталась единственным государством Восточной Азии, не покоренным монгольскими ханами¹⁸.

Индия испытала ряд опустошительных вторжений монгольских армий, начиная с 1221 г., когда войска Чингис-хана разграбили области Мультана, Лахора и Пешевара, захватив 10 тыс. пленных, которые были уничтожены по дороге из-за недостатка продовольствия. В 1241 г. монголы захватили Лахор, а в 1246 г. — Мултан и Учем; вторжения следовали одно за другим, и лишь героическая борьба индийского народа, сплотившегося перед лицом грозной опасности, спасла страну от захвата и разграбления.

С упорным сопротивлением столкнулись монгольские армии и в Индокитае. Трижды — в 1257, 1284 и 1287—1288 гг. — вторгались они во Вьетнам, но не могли добиться решающего успеха благодаря стойкости вьетнамцев, а также отваге и искусству руководившего ими полководца Тран-Куок-Туана. В Бирме монгольское вторжение 1277 г. имело несколько больший, хотя и временный успех. Оно привело к падению царства Паган и номинальному подчинению страны власти Хубилая.

И даже страны Южных морей не избежали посягательств монгольских захватчиков. В 1292 г. монгольский флот появился у берегов Явы и высадил десант, который, правда всего лишь на несколько лет, подчинил себе Яванское государство.

Естественно, колоссальные территории, охваченные монгольскими завоеваниями, даже номинально не могли сколько-нибудь длительный срок удерживаться в рамках единой империи. Они не были связаны ни историческим, ни экономическим, ни культурным, ни этническим единством. Даже сами завоеватели — монголы, попав в дальние улусы, постепенно смешивались с коренным населением, что отнюдь не способствовало сохранению единства монгольской народности. Эти обстоятельства в сочетании с постоянной борьбой между отдельными ханами «дома Чингисова» за наследство Чингис-хана и вновь завоеванные земли привели к фактическому отделению улусов Хулагуидов, Джучидов и Чагатаидов от Монгольской державы. Эфемерная империя просуществовала лишь немногим более 30 лет после смерти своего основателя.

И, пожалуй, лишь два признака были присущи всем завоеванным монголами землям, вне зависимости от их исторических особенностей, это — беспощадное угнетение покоренного населения и освободительная борьба народов, в конечном счете повсеместно приведшая к свержению ига и изгнанию захватчиков.

Так, в завоеванном Китае, помимо прямого ограбления крестьянства, был проведен ряд мероприятий, приведших к еще большему его закрепощению и разорению. Налоговый гнет неуклонно возрастал¹⁹. Монгольские феодалы захватывали огромные земельные наделы, присваивая их вместе с населением. Китайские источники сообщают об отдельных владениях, превышавших 6 тыс. га и насчитывавших до 80 тыс.

¹⁸ Nagaba Yamada. Chenko. The Mongol Invasion of Japan, London, 1916.

¹⁹ К. А. Стратонитский. Монгольское управление покоренными Китаем и Арменией. М., 1913, стр. 25 и сл.

крестьянских дворов. Сын Хубилая получил 106 тыс. крестьянских дворов. Поземельный налог, налог с каждого взрослого мужчины, конный налог истощали китайское крестьянство, приводили к обезземеливанию, обнищанию, голоду, общему упадку сельского хозяйства Китая. Тяжелым бременем легла на все население страны финансовая политика монгольских правителей: выкачивание у населения ценностей в обмен на бумажные деньги, объявленные единственным платежным средством, но постоянно менявшиеся, обесценивавшиеся, превращавшиеся в пустые бумажки. Резко усилилось бродяжничество, цветущие некогда области были опустошены и почти полностью обезлюдели. Современники свидетельствуют, что в результате хозяйничания монгольских феодалов «в Шаньдуне и Хэнани во многих местах совершенно не осталось людей»²⁰. Неисчислимы ущерб, нанесенный всем областям жизни страны, производительным силам, культуре — таков был итог столетнего правления Юаньской династии в Китае²¹.

Столь же беспощадное порабощение народа характерно и для монгольских владений в Западной Азии — улуса Хулагу и его преемников, получивших название ильханов. Во многих областях Ирана налоги достигали 80% урожая. Полностью разоренные крестьяне покидали свои дома и деревни. Как и в Китае, значительные области обезлюдели. Весьма показательны здесь данные географов начала XIII и середины XIV в., свидетельствующие о катастрофическом сокращении числа селений. В округе Хамадана в начале XIII в. было 660 селений, а в 1340 г. — только 212; в округе Исфераина число селений уменьшилось с 451 до 50; в округе Бейхака — с 321 до 40 и т. д.²². Не меньший упадок переживали и города, многие из которых, по словам Хамдаллаха Казвини, превратились в деревни²³.

Естественным и неизбежным следствием порабощения населения и паразитизма монгольских правителей явились внутренняя слабость улусов и восстания народных масс, все более сплоченно и решительно выступавших против ига захватчиков. В Иране уже в 1265 г. вспыхнуло грандиозное народное восстание под руководством Шереф-ад-Дина, с трудом подавленное ханом. Рядом восстаний был ознаменован и конец XIII в., но особенно усилились они в 30-х годах XIV в., когда огромное крестьянское движение охватило значительную часть страны. Восставшие, получившие название «сербедары» («висельники»), создали свое государство со столицей в Себзеваре. В 1353 г. — т. е. спустя почти сто лет после походов Хулагу — сербедарам удалось уничтожить ставку последнего Хулагуида-Тугай-Тимур-хана и убить его самого. Тем самым был положен конец государству ильханов.

Почти одновременно — с 30-х годов XIV в. — волна освободительного движения начала все шире разливаться по Китаю. Началась многолетняя война последнего незадачливого императора Юаньской династии Тогон-Тимура с китайским народом. Повстанцы особенно активизировали свои действия после 1351 г., когда очаги восстания вспыхнули в целом ряде областей страны. Главную силу великого народного движения составила крестьянская армия «Красных повязок». В 1368 г. война закончилась полным разгромом ненавистных поработителей. Тогон-Тимур бежал из своей столицы Дайду, а остатки его войск были оттеснены сначала во Внутреннюю, а потом и во Внешнюю Монголию. В том же году один из вождей восстания — Чжу-Юань-чжан — объявил себя

²⁰ Цит. по «Всемирной истории», т. III, стр. 530.

²¹ E. Haenisch. Sino-Mongolische Dokumente vom Ende des XIV Jahrhunderts, Berlin, 1952.

²² См. «Всемирная история», т. III, стр. 579.

²³ И. П. Петрушевский. Формы феодальной зависимости крестьян в Иране в XIII—XIV веках. «Советское востоковедение», 1955, № 5; B. Spuler. Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanenzeit 1220—1350, Leipzig, 1955.

императором, основав новую — Минскую династию²⁴. Столетнее иго монгольских захватчиков было свергнуто.

И не случайно лишь 12 лет отделяют эти решающие события в истории великого китайского народа от исторической победы великого русского народа, разгромившего в 1380 г. на Куликовом поле полчища Мамай и положившего начало освобождению народов Восточной Европы от татаро-монгольского ига. В западных и восточных пределах хищнической империи Русь и Китай возглавили победоносную освободительную борьбу народов против чингисова наследия.

Восстание народных масс Китая против Тогон-Тимура очень скоро получило широкий отклик в покоренных странах Восточной и Юго-Восточной Азии. Уже в 1359 г. поднялась Корея, войска которой нанесли серьезное поражение монголам и фактически ликвидировали контроль последних над страной. А после изгнания Тогон-Тимура из Китая подчинение Кореи монгольским ханам было упразднено официально.

В третьей четверти XIV в. уцелевшие монгольские отряды были изгнаны из всех стран Восточной и Юго-Восточной Азии и отошли на собственно монгольскую территорию. Остатки военно-феодальной империи — искусственного конгломерата народов, связанных лишь прямым насилием и порабощением, — окончательно распались.

Освобожденные от векового гнета народы смогли теперь приступить к восстановлению и развитию своей государственности, экономики и культуры, претерпевших неисчислимый урон за годы владычества «ханов дома Чингисова».

Но, как уже отмечалось выше, не менее пагубным период империи явился и для самого монгольского народа. Авантюристическая захватническая политика Чингис-хана и его наследников подорвала закономерное развитие собственно монгольской государственности. Перенеся же столицу на территорию Китая, великие ханы и формально порвали со своей родиной, что вызвало оппозицию даже среди монгольской феодальной верхушки. С этим связаны многолетние восстания Ариг Буги, Хайду и др. Если первый этап деятельности Чингис-хана был ознаменован сплочением государства и преодолением племенной разобщенности, то в период завоеваний и господства Юаньской династии, постоянные феодальные войны расшатывали сплоченность государства, усиливали вражду между отдельными группами племен, наконец, вызвали резкий экономический упадок Монголии, и без того ослабленной постоянным военным напряжением. Упадок усугублялся перенесением за пределы страны вслед за ставками хана и крупнейших феодалов основных ремесленных центров, угоном скота, откочевкой значительных масс населения.

Процесс формирования монгольской народности также был заметно нарушен завоеваниями. Сотни тысяч монголов оказались разбросанными по бесконечным путям захватнических походов. Попав в различную этническую и культурную среду, отдельные группы монголов теряли связь друг с другом, отрывались от своей родины и растворялись среди других народов. Достаточно указать, что уже в XIV в. основная масса монголов западных улусов под воздействием окружающего населения стала говорить на языках тюркской системы. Таким образом, шел процесс не сплочения народности, а разобщения ее, отрыва от нее значительных групп. Людские ресурсы монгольского народа, численность населения собственно монгольских земель понесли заметный урон.

Обогащавшие паразитическую феодальную верхушку захватнические войны были пагубны для массы простых аратов, пагубны для Монголии. Они истощили силы страны и обусловили длительный политический, экономический и культурный ее упадок в последующие века.

²⁴ Д. Покотиллов. История восточных монголов в период династии Мин, СПб., 1893, стр. 1 и сл.

БОРЬБА НАРОДОВ НАШЕЙ СТРАНЫ
ПРОТИВ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ
И УСТАНОВЛЕНИЯ ОРДЫНСКОГО ИГА

История монгольского нашествия на нашу страну и соседние страны Европы и Азии, организованного Чингис-ханом и продолженного преемниками его политики, раскрывает картину варварского опустошения цветущих очагов цивилизации тогдашнего мира. Одновременно она свидетельствует о непреклонно враждебном отношении народов, в первую очередь трудящегося населения, к монгольским захватчикам.

В 1218 г. Чингис-хан двинул около 200 тыс. воинов на Среднюю Азию. По пути были заняты главные центры Семиречья — Баласагун и Кашгар. Правивший в Средней Азии хорезм-шах Мухаммед имел сил не меньше, чем Чингис-хан, но он враждовал с собственной знатью и не возглавил борьбу: покинув Мавераннахр, он предоставил города защите их гарнизонов. Здесь ярко вырисовывается борьба за независимость народных масс — предков туркмен, таджиков, казахов и узбеков. Монгольские войска не смогли сразу взять пограничный город Отрар. Горожане отбили их приступы (сентябрь 1219 г.). Оставив большое войско для осады Отрара, Чингис-хан направил свои рати вниз и вверх по Сыр-Дарье, а также на Бухару и Самарканд. В Средней Азии упорное сопротивление захватчикам оказывали крестьяне и горожане («всякая чернь», «сброд» — как презрительно именуют их придворные ханские хронисты), тогда как местная знать, купечество, связанное с транзитной торговлей, правители городов, верхи мусульманского духовенства спешили вступить в переговоры с врагом и ценой предательства сохранить свою жизнь и имущество. Стойко оборонял народ города Сугнак, Узгенд, Барчанлыгкент, Яшнак, Дженд и Янгикент, которые были захвачены войском Джучи после яростных штурмов и разорены; население частью было перебито, частью включено в «хашар» — отряды, служившие заслоном при наступлении и выполнявшие тяжелые осадные работы.

Другое монгольское войско двинулось от Отрара на Бенакет и Ходжент. Оборона Ходжента, которую возглавил местный эмир Тимур-мелик — славная страница истории борьбы народов Средней Азии за независимость. Мужественными действиями под Ходжентом, в сражениях на Сыр-Дарье и позднее в Хорезме воины Тимур-мелика нанесли немалый урон врагу²⁵. Горожане Отрара, оставшись в тылу, пять месяцев выдерживали осаду монгольских полчищ. После падения города целый месяц прoderжалась цитадель.

Главные монгольские силы во главе с Чингис-ханом, захватив Нур, подступили к Бухаре, одному из крупнейших культурных центров Средней Азии. Хотя здесь находился 20-тысячный гарнизон, местная знать, отказавшись от борьбы, сдала город. Чингис-хан, захватив городские сокровища, «приказал поджечь городские кварталы, и в несколько дней большая часть города сгорела»²⁶. Затем монголы подступили к Самарканду, который защищало пешее ополчение. Здесь «с обеих сторон было перебито множество людей». Город был разрушен в результате штурма; его крепостную стену «сравнили с дорогой». Китайский монах Чан-Чунь, проезжавший через Самарканд в 1222 г., отметил, что в нем осталось не более четвертой части прежнего населения²⁷.

²⁵ См. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. 1, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 201—203.

²⁶ См. В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлечения из сочинений арабских), т. 1, СПб., 1834, стр. 9.

²⁷ «Описание путешествия даосского монаха Чан-Чуня на Запад», «Тр. членов российской духовной миссии в Пекине», т. IV, изд. 2, Пекин, 1910, стр. 148.

Славой покрыли себя защитники Ургенча, столицы Хорезма. Они семь месяцев защищали свой город. Озлобленный неудачей Чингис-хан стянул сюда огромное войско. Но горожане не сложили оружия. «Монголы сражались жестоко,— читаем в хронике,— и брали квартал за кварталом и дворец за дворцом, сносили их и сжигали, пока в течение семи дней не взяли таким способом весь город». Собрав уцелевших горожан, они отделили ремесленников, а «остаток людей распределили между воинами, чтобы те их перебили»²⁸. Города Кеша, Нахшеб, Термез разделили участь Ургенча. Затем был захвачен и Мерв.

Так в течение 1219—1221 гг. сражались за независимость народы Средней Азии. За скупыми сообщениями персидских и арабских хронистов скрыта героическая борьба горожан и крестьян, борьба за землю, орошенную потом поколений тружеников. Сотни тысяч людей были убиты или порабощены; были сожжены, уничтожены знаменитые города с замечательными памятниками архитектуры — дворцами, мечетями, храмами, драгоценных рукописей. Обширные области преданы запустению²⁹.

Однако народы не покорились врагу. Весной 1218 г. поднялись на борьбу киргизы, землю которых пришлось вторично завоевывать войскам Джучи³⁰. После отхода главных монгольских сил восстал Мерв. Город был окончательно разрушен монгольской ратью. Надолго заглож Мервский оазис.

Продолжая наступление, монгольские полчища разорили земли Афганистана и Северного Ирана. Из Ирана часть монгольского войска под предводительством Джебе и Субэдея в 1220 г. вторглась в Азербайджан. После жестоких осад и штурмов пали Салмас, Хой, Нахичеван, Байлакан и др.; едва уцелел Тебриз³¹.

Перезимовав в Муганской степи (к юго-востоку от слияния рек Куры и Аракса), монгольские отряды двинулись на Грузию. Грузино-армянское войско во главе с царем Георгием IV Лаши и полководцем Иваном Мхартгрдзели смело встретило врага, но было разбито. Сопrotивление народа в горных районах заставило захватчиков вернуться в Северный Азербайджан, где после долгой обороны пала Шемаха, столица Ширвана. Обойдя Дербент и разбив поодиночке осетин и половцев, монгольские рати ворвались на Крымский полуостров, где захватили Судак. Половецкая орда, кочевавшая между Волгой и Днепром, потерпела поражение и бежала за Днепр.

Тогда в поход двинулись русские — киевские, галицкие, черниговские, смоленские, волынские и другие полки, а также половцы. Не могли участвовать в деле новгородско-псковские и владими́ро-суздальские войска, так как они были заняты отражением наступления немецких и датских рыцарей. Войско было значительным по размерам, но разобщенным по организации: не было единого начала, любой феодал мог по своей воле покинуть поле боя. 31 мая 1223 г. на берегу Калки произошла роковая битва. «И погыбе много бещисла людей,— писал новгородский летописец,— и бысть выпль, и плач, и печаль по городом и по селом...». Татары же возвратились от реки Днепра, «и не съведаем, откуда суть пришли и кде ся деша опять»³².

²⁸ Рашид-ад-Дин. Указ. соч., стр. 216—217; См. А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. «Изв. Гос. академии истории материальной культуры», т. VI, вып. II, Л., 1930.

²⁹ См. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948; Его же. Древний Хорезм, М., 1948.

³⁰ Рашид-ад-Дин. Указ. соч., стр. 256.

³¹ См. И. П. Петрушевский. Из героической борьбы азербайджанского народа в XIII—XIV вв., Баку, 1941, стр. 18 и сл.; ср. А. А. Али-Заде. Монгольские завоеватели в Азербайджане и сопредельных странах в XIII—XIV вв. «Вопросы истории», 1952, № 8, стр. 59—65.

³² НПЛ, М.—Л., 1950, стр. 63.

Монгольские отряды двинулись было вверх по Днепру, но затем повернули обратно. Жители волжской Булгарии «устроили им засады», здесь немало врагов было перебито, «только немногие» сумели выбраться³³ и через степи Казахстана достичь «коренного юрта» Монголии.

Преемники Чингис-хана, тоже грезившие о подчинении своей власти всего человечества³⁴, стали готовиться к походу на Европу. Готовя это наступление, монгольские правители задались целью овладеть землями Кавказа, который еще не оправился от их первого вторжения и был охвачен феодальными усобицами. Используя выгодную обстановку, монгольские войска Джурмагуна, подчиненного великому хану, вторглись из Ирана в Южный Азербайджан (1231). Они завладели Тебризом, наложив на него огромный выкуп шелками; позднее — вступили в Северный Азербайджан — в Арран и Ширван (1235). Осадили богатейший из местных городов — Ганджу. Оборона Ганджи вошла в историю как пример героизма. Наступавшие опустошили окрестности, вырубili виноградники. Осадные машины, несмотря на противодействие ганджийцев, разрушили городские стены. Опасаясь уличных боев, монгольское войско еще целую неделю блокировало этот город. «Тогда жители, видя город во власти неприятеля, — сообщает летописец Киракос Гандзекеци, — частью сожгли себя вместе со своими жилищами, чтоб не попасть в руки неприятеля; частью сожгли все, что можно было сжечь и остались только сами». В последней схватке враги «перерезали всех жителей, не различая ни мужчин, ни женщин, ни детей»³⁵. Лишь один отряд смельчаков прорвался сквозь кольцо осады. Пали крепости Шамхор, Тавуш, Ергеванк, Мацнаберд. Близ Тавуша в плен попал летописец Киракос. «Вели нас татары пешком, босых, в нужде и лишениях много дней, — писал он, — и даже воды нельзя было напиться, так гнали они нас»³⁶. Борьба народа стоила захватчикам тяжелых потерь; некоторые крепости, в том числе Гардман, Хаханаберд и цитадель Баку, они взять не смогли.

Столь же мужественно сражались тогда армянский и грузинский народы: достаточно вспомнить оборону Ани, Карина (Эрзерума), Карса, Тбилиси, Дманиси. Лишь в 1239 г. монголы захватили Дербент. Земли Кавказа были страшно опустошены. «Бедствия, которые постигли все страны, превосходят все, что история может рассказать»³⁷, — писал Киракос. Монгольские походы на осетин и черкесов окончились, однако, неудачей: народы Северного Кавказа еще долгие годы отстаивали свою независимость.

Вопрос о задуманном монгольскими правителями походе на Европу не раз обсуждался на курултаях в Кара-Коруме: перенесение ставки в низовья Яика, завоевание Кавказа были этапами подготовки похода³⁸. Той же цели служила широкая военно-дипломатическая разведка, которая велась в Европе. Великие ханы не скрывали своих целей, требуя покорности не только от государей соседних европейских стран, но также от королей Франции, Англии и самого папы³⁹.

Собрав в 1236 г. огромное войско, в которое входили отряды от всех улусов, внук Чингис-хана Батый (Бату) начал переправу через Каму. Народ Булгарии смело встретил врага. Но оказалось неравенство сил:

³³ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 27.

³⁴ Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан, Пг., 1922, стр. 150—155.

³⁵ К. П. Патканов. История монголов по армянским источникам, вып. II, СПб., 1874, стр. 16—17.

³⁶ Там же, стр. 26.

³⁷ Там же, стр. 12; см. также V. Minorsky. *Caucasica III. The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns*. «Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London», v. XIV, part 2, 1952, p. 221—238.

³⁸ Б. А. Рыбаков. Борьба Руси с Батыем, М., 1948.

³⁹ С. А. Анзянский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. «Исторический архив», т. III, 1940, стр. 88—89.

как показали археологические раскопки, город Булгар был стерт с лица земли, а население перебито⁴⁰. Булгарская, а затем мордовская и буртасская земли пережили тяжелое разорение⁴¹. Мужественно выдержал вражеский натиск поволжский город Саксин, оставленный монголами в тылу⁴².

Зимой 1237 г. монгольские рати вступили в Рязанское княжество. Местные князья во главе с Юрием Игоревичем отвергли предложение Батые признать его власть и платить ему десятину: «Когда нас всех не будет, тогда все будет ваше», — заявили они монгольским послам. Не получив помощи от других князей, при огромном численном презосходстве врага рязанцы защищали свои крепости. Пять дней выдерживала осаду Рязань; когда город был взят (21 декабря 1237 г.), его сожгли, а жителей перебили. Погибли все воины и воеводы — «все равно умроша». Затем пали Пронск и другие города. Рязанская земля была совершенно опустошена: «град и земля Резанская изменися... и отиде слава ея и не бе в ней ничто благо видети, — токмо дым и пепел», — так повествует древнее сказание⁴³.

Разорив Коломну, татаро-монголы в начале 1238 г. подступили к Москве. Москвичи во главе с воеводой Филиппом Нянкой погибли в битве. В феврале опустошению подверглась Владимиро-Суздальская земля — с боями пали Ростов, Ярославль, Тверь, Юрьев, Дмитров, всего 14 городов. 7 февраля после упорной обороны были разрушены стены Владимира-на-Клязьме. Жители безжалостно истреблялись; погибли замечательные памятники культуры⁴⁴.

Основное войско Бурундая двинулось на север и 4 марта столкнулось с полками князя Юрия Всеволодовича. Владимиро-суздальские рати были окружены и честно сложили свои головы, защищая Русь. Продвигаясь далее, монголы захватили Торжок. Не дойдя ста верст до Новгорода, монголы повернули обратно. Сказывалось истощение сил. Они прошли по восточным окраинам Смоленской и Черниговской земель. На Смоленск они тоже не пошли, но осадили Козельск. Козельцы, сообщает летопись, «ум крепкодушный имели» и семь недель сражались на разрушенных стенах горящего города. Неоднократно они делали вылазки и уничтожали монгольские осадные машины; когда враги все же ворвались в город, то «козляне же ножи резахуся» с ними. Почти два месяца простояв под Козельском, Батый в ярости велел уничтожить этот город и всех его жителей⁴⁵.

Мужественная оборона русских городов спутала расчеты завоевателей. Полки поредели, а впереди была еще половина Руси и татаро-монголы, повернув обратно, отошли в степь.

В начале 1239 г. монгольские войска вновь двинулись на Русь, теперь на южную и юго-западную. Лишь часть сил была послана на север, где разорила города Муром и Гороховец. В марте одна из ратей с боем («копьем») заняла Переяславль Южный, затем пал Глухов, в октябре был захвачен и подожжен Чернигов. В декабре монголы нахлынули в Крым. Наталкиваясь на упорное сопротивление, Батый вновь оттянул свои рати в степь для пополнения.

Новое наступление было обращено на Киев, где обороной ведал галицкий воевода Дмитр. По данным киевской разведки, в войске, которое в конце 1240 г. подступило к Киеву, находились полки крупнейших монгольских воевод Субедея, Бурундая, Гуюка и др. Город окружили

⁴⁰ А. П. Смирнов. Волжские булгары, М., 1951, стр. 49—50; ср. «По следам древних культур», М., 1954, стр. 41.

⁴¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (Извлечения из персидских сочинений), т. II, М.—Л., 1941, стр. 36.

⁴² Иоанн де Плано Карпини. История монголов, СПб., 1911, стр. 36.

⁴³ «Воинские повести Древней Руси», М.—Л., 1949, стр. 15.

⁴⁴ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 460—461, 464.

⁴⁵ См. В. Т. Пашуто. Очерки истории СССР (XII—XIII вв.), М. 1960, стр. 133 и сл.

множеством осадных машин, которые вели обстрел днем и ночью. Киевляне защищались до конца. 19 ноября через огромные проломы в городской стене враг ворвался в древнюю столицу⁴⁶. Воины и жители подверглись массовому истреблению, тысячи людей были уведены в рабство. Самому воеводе Дмитру, захваченному в плен и израненному, Батый сохранил жизнь, «мужества ради его». В огромном городе уцелело не более 200 домов, сообщал папский посол Плано Карпини, побывавший здесь через несколько лет.

Разорив Киев, монгольские рати в конце 1240 г. устремились далее на запад, в Галицко-Волынскую Русь. После ожесточенных боев были заняты местные столичные города Галич и Владимир; сожжен был Колодяжин, захваченный обманом после неудачного штурма с помощью 12 осадных машин. Так же были разорены «инии гради мнози, им же несть числа»⁴⁷. Но некоторые города, например Данилов, Кременец, отбили приступы татар.

Мужественно оборонялись и небольшие центры. Учеными раскопан небольшой городок, входивший в систему укрепленных городов (Бужск, Межибож, Котельница) на пограничье Киевской земли. Городок был целиком разрушен и сожжен и ныне раскрыт со всеми остатками хозяйства и останками жителей, павших в бою. Они лежат в воротах города, пронзенные стрелами, во дворах домов — с мечами, булавами и даже ножами в руках; найдены останки женщин, прижимающих к себе детей... Раскопки в Киеве и Рязани обнаруживают то же⁴⁸. Трагическая картина, вызывающая глубокое уважение к памяти наших отважных предков.

Монгольские захватчики вышли на западные рубежи Русской земли серьезно ослабленными. Мало того, чтобы правильно понять тогдашние события, надо иметь в виду и освободительную, партизанскую борьбу, на которую поднялись народы завоеванных земель.

Сохранилось предание о рязанском богатыре Евпатии Коловрате, который со своим отрядом из 1700 «храбров», неожиданно появляясь там, где его не ждали, наводил ужас на захватчиков⁴⁹. Шла борьба и в других землях. Уходя из пределов Руси на запад, монгольские воеводы решили обеспечить себе продовольствие в Киевщине; войдя в соглашение с боярством Болоховской земли, они не разорили тамошних городов и сел, но обязали население снабжать свое войско пшеницей и просом. Однако галицко-волинский князь Даниил Романович, возвратясь на Русь, разрушил и сжег города бояр-изменников; тем самым было подорвано снабжение монгольских войск⁵⁰.

В Поволжье действовал отряд половцев Бачмана. Он находил поддержку у населения: «мало-помало зло от него усиливалось и беспорядки умножались», — пишет персидский историк Джувейни. Наконец против него была двинута облавой 20-тысячная монгольская рать Менгу-хана на 200 судах. На одном из островов окруженный отряд принял последний бой. Бачман был схвачен. Когда Менгу-хан велел ему встать на колени, то услышал гордый ответ: «Я не боюсь смерти. Я не верблюд, чтобы вставать на колени». Он был убит⁵¹. В Мордовской земле врагу не покорилась часть жителей эрзян. Как сообщает венгерский монах Юлиан, один из мордовских князей «с немногими людьми

⁴⁶ По другим источникам Киев пал 6 декабря 1240 г.

⁴⁷ ПСРЛ, т. II, стлб. 784—786.

⁴⁸ См. М. К. Каргер. Древний Киев, т. 1, М.—Л., 1958; ср. М. Брайчевский. Археологічні пам'ятки часів боротьби Русі проти монгольської навали. «Вістник Академії наук УРСР», вып. 10, Київ, 1951, стр. 69, и др.

⁴⁹ «Воинские повести Древней Руси», стр. 13—14.

⁵⁰ ПСРЛ, т. II, стлб. 792.

⁵¹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. II, стр. 24, 35; ср. «Mediaeval Researches from the Eastern Asiatic Sources», ed. by E. Bretschneider, v. 1, London, 1887, p. 311—312.

направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил»⁵².

Боролись и народы Средней Азии. Тому свидетельство — восстание горожан и крестьян Бухары в 1238 г. под руководством ремесленника по выделке сит Махмуда Тараби; восстание было направлено против монгольских властей и их приспешников из местной знати: «Большую часть вельмож и людей именитых подверг он оскорблению и обесчестил,— пишет враждебный восстанию Джувейни, — некоторых он убил, другая часть бежала. Простому народу и бродягам, наоборот, выказал расположение». К нему присоединились крестьяне, которые, вооружившись чем попало, убивали «всякого, кого удавалось настичь из войска монголов, особенно сборщиков податей и богатых людей». Восставшие истребили до 10 тыс. монгольских воинов. Лишь специально направленное большое войско разбило повстанцев⁵³.

Следовательно, осуществляя свой поход в глубь Европы, монгольские ханы не имели спокойного тыла. Борьба народов предопределила крах похода. Татарские рати, которые после четырехлетних боев на Руси двинулись на другие страны, встретили мужественный отпор. Примерно 30-тысячное войско Байдара, Кайду и Орду натолкнулось на упорное сопротивление в Польше. Разорением Люблина, Завихоста, Сандомира, Поланца, Вишлицы, столкновениями под Хмельником, Великим Турском, пожарами, грабежами и насилиями отмечен путь захватчиков на столицу Польши Краков, который пал 22 марта 1241 г. после стойкой обороны. Не смогли враги взять Вроцлав⁵⁴.

Князь Генрих Благочестивый, собрав значительное войско, принял бой к югу от Легницы 9 апреля. Несмотря на отвагу польских воинов, они были разбиты. Пал в битве и сам князь. Однако Легницу монголам взять так и не удалось; отбил их натиск и Ратибож. По распоряжению Батые, который с главными силами находился в Венгрии, монгольская рать была оттянута из Польши и в начале мая 1241 г. вторглась в Моравию. Польский народ сумел отстоять некоторые крупные города и нанес врагу немалый урон. Из числа татаро-монголов, двинувшихся в глубь Европы, «многие были убиты в Польше и Венгрии»,—сообщал папский посол Плано Карпини⁵⁵.

Батый с боями прорвался через Карпатские проходы, где погибли вооруженные заставы венгров и русинов. Монгольские рати хлынули в Венгрию, они разорили Ерлау и Кевешд. Король Бела IV в начале апреля выступил из Пешта с 60-тысячным войском, куда входили и хорватские полки герцога Коломана. 11 апреля 1241 г. в битве при Сайо венгры были разбиты. Двухдневный путь их отступления к Пешту был, по словам хрониста, устлан телами убитых⁵⁶.

Выдержав трехдневный штурм, пал Пешт, после упорных боев были взяты города Варадин, Арад, Перг, Егрес, Темешвар.

Завоевание татаро-монгольскими войсками Руси, опустошение Польши, Венгрии и других земель вызвало панику в Европе. Во французской хронике читаем, что страх перед монголами во Франции повлек за собой полный застой в торговле; английский хронист сообщает, что на время прервалась торговля Англии с континентом. В Германии даже возникла молитва: «Господи, избави нас от ярости татар».

⁵² С. А. Аннинский. Указ. соч., стр. 85—86.

⁵³ А. Ю. Якубовский. Восстание Тараби в 1238 г. «Тр. Ин-та востоковедения АН СССР», т. XVII, М.—Л., 1936, стр. 121—125.

⁵⁴ S. Krakowski. Polska w walce z najazdami tatarskimi w XIII wieku, Warszawa, 1956, str. 119 и сл.; G. Labuda. Wojna z Tatarami w roku 1241. «Przegląd Historyczny», т. 50, 2, 1959, str. 189—224.

⁵⁵ Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч., стр. 25.

⁵⁶ См. «Scriptores Rerum Hungaricarum», v. II, Budapestini, 1938, p. 569—571, 576—580.

Некоторые зарубежные историки пытаются утверждать, что западно-европейские правители, включая папу, в трогательном единодушии старались помочь государствам, попавшим под удар захватчиков. Факты, однако, говорят об ином. Папская курия и германский император Фридрих II много толковали о важности борьбы с нашествием, но сами продолжали ожесточенную междоусобную борьбу и активно поддерживали те государства (Орден, Швецию, Данию), которые в это же время вели вооруженное наступление на земли Руси, Польши. Восточной Прибалтики⁵⁷.

В апреле 1241 г. монгольские рати завладели левобережной Венгрией; разорили они и Словакию, которая была под властью Венгрии. Словацкие горожане и окрестные крестьяне сумели отстоять от врага Братиславу, Комарно, Тренчин, Нитру.

Продолжались сражения и в Чехии, где монголы овладели Опавой, Бенешевом, Литовцем, но не смогли взять Оломоуц, Брно и другие города⁵⁸. Неся большие потери и видя, что в этом районе продвинуться на запад тоже не удастся, Батый распорядился оттянуть войско из Чехии и собрать все силы в Венгрии, где зимой 1241 г. они перешли Дунай. После геройской обороны, под ударами 20 осадных машин пала венгерская столица Гран.

Монгольские воеводы думали превратить венгерскую равнину, подобно Муганской степи, в кормовую базу своей конницы в Европе, но из этого ничего не вышло: под ударами со всех сторон слабело монгольское войско. Венгерские крестьяне поднялись на борьбу. Сохранилось предание о крестьянском отряде Ланки Прекрасной, которая после поражения бросилась на острый меч, чтобы не попасть в руки врагов⁵⁹. Потери монголов были велики. Тот же Плано Карпини видел в Монголии, в ставке великого хана, особое кладбище, «на котором похоронены те, кто был убит в Венгрии, ибо там были умерщвлены многие»⁶⁰.

Правда, Батыю еще удалось в Хорватии разорить Загреб, на побережье — Свач, Дривасто, сжечь часть Катарра. Однако жители Климса отбили осаждающих, сбрасывая на них каменные глыбы; монголы обошли хорошо укрепленный Сплит, не смогли взять Траву (март 1242 г.), Рагузу.

Наступление, начатое от Нижнего Поволжья, окончательно захлебнулось на Далматинском побережье, у границ Италии. Весной 1242 г. началось поспешное отступление через Болгарию и Русь за Волгу. Народы нашей страны, народы Восточной и Центральной Европы, отстаивая свои земли в жестокой борьбе с монгольским нашествием, спасли Париж и Любек, Мадрид и Лондон, города и культуру многих европейских стран от разорения.

Монгольское нашествие принесло неисчислимые бедствия народам нашей страны, потерявшим в борьбе за независимость многие тысячи своих сынов и дочерей. Нашествие подорвало хозяйство; были уничтожены центры городской культуры. Некоторые народы (волжские булгары, половцы, хазары) вовсе исчезли с карты мира.

Земли нашей страны оказались разорваны на части и поделены между правителями отдельных орд и улусов. По возвращении из неудачного похода на Европу, хан Батый и окружавшая его знать обосновались на Волге, где возникло новое государство — Золотая Орда со столицей в Сарae. Территория, ей подвластная, простиралась от Иртыша до Дуная (включая Молдавию и Болгарию), на северо-востоке Золотая

⁵⁷ В. Т. Пашуто. О политике папской курии на Руси. «Вопросы истории», 1949, № 5, стр. 56 и др.

⁵⁸ «История Чехословакии», т. 1, М.—Л., 1956, стр. 104.

⁵⁹ Э. Ледерер. Татарское нашествие на Венгрию в связи с международными отношениями эпохи. «Acta historica», t. II, f. 1—2, Budapest, 1953, p. 1—45.

⁶⁰ Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч., стр. 12.

Орда подчинила земли народов Поволжья и Приуралья, на юге — Крым и Северный Кавказ (до Дербента). Земли Средней Азии обособились под властью сына Чингис-хана Чагатая. В особый улус отделились владения внука Чингис-хана Хулагу. Ему подчинялись, в числе других, земли нынешнего Туркестана (до Аму-Дарьи), Закавказье.

Золотая Орда, государство Хулагидов и Чагатаев некоторое время находилась в номинальной зависимости от монгольского великого хана, пребывавшего в Кара-Коруме. Сюда отвозились драгоценности, награбленные в покоренных странах, здесь в рабстве изнывали китайские, русские, грузинские, армянские ремесленники. Под личной властью великого хана, владевшего Китаем, оставались земли Центральной Азии, юго-восточной Сибири и Дальнего Востока.

Экономически и культурно монгольские захватчики стояли много ниже Руси, Армении, Грузии... Они угоняли отсюда ремесленников, вывозили орудия труда, металлические изделия. Поэтому заглохли некоторые ремесла, например эмальерное, которым славилась Русь; приостановилось каменное строительство⁶¹. Монгольские ханы произвели переписи населения (на Руси первая такая перепись была в 1257 г.) и наложили на него тяжкие денежные и натуральные дани, торговые пошлины, подводные и военные повинности. На Кавказе в виде дани взыскивали с каждого плательщика 100 литров пшеницы, 50 литров вина, 2 литра риса, 3 мешка, 2 веревки, 1 белую монету, 1 стрелу, 1 подкову и пр.⁶². Такие жестокие поборы истощали экономику завоеванных стран. Военные отряды баскаков следили за исполнением ханской воли. Малейшее неповиновение каралось разорительными набегами. Страна ослабла политически, появилось множество мелких владений, княжеств; не прекращались усобицы, которые сознательно разжигались и использовались ханами⁶³.

Опустошительные набеги на нашу страну следовали один за другим: на страницах летописей Ростова, Твери и Новгорода сохранились описания злодеяний в северо-восточной Руси ратей Неврюя (1252), Кавадыя (1281), Турайтемира (1282), Ахмата (1283), Дюденыя (1293), Кавгадыя (1317), Чолхана (1327) и других; волынские летописцы посылают проклятия полчищам Ногая, Телебуги и других, разорявшим (в 1258, 1275, 1277, 1280, 1286, 1287 и в другие годы) юго-западную Русь.

Монгольские ханы нарушили и порвали исторические связи между народами нашей страны и их сношения с соседними государствами. Более того они многократно использовали вооруженные силы одних стран против других: золотоордынские ханы гоняли русские полки на Польшу, Литву, на Северный Кавказ; грузины, армяне и азербайджанцы гибли за чуждое им дело в завоевательных походах иранских ильханов на Переднюю Азию.

Монгольское иго над многими народами Азии и Европы было явлением первостепенной важности в тогдашней международной жизни. Примечательно, что союза с монгольскими поработителями искала такая влиятельная реакционная сила как папство. На словах папство ратовало за борьбу католических держав с угрозой монгольских ханов Европе, препятствовало соседям Орды «спаривать голубя с змеей», т. е. вступать в непосредственные контакты с ханами. На деле же папство и союзные ему государи Франции и Англии прилагали немалые усилия к тому, чтобы использовать Орду для расширения своего влияния в Восточной Европе и для поддержания неуклонно слабевших позиций

⁶¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 525—538; А. М. Сахаров. Города северо-восточной Руси XIV—XV вв., М., 1959.

⁶² «История монголов инок Магакки (XIII в.)», изд. К. П. Патканова, СПб., 1871, стр. 71.

⁶³ А. Н. Насонов. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси), М.—Л., 1940; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч.

крестоносцев на арабских землях Передней Азии. Папские посольства не раз посещали в этих целях Сарай, Тавриз, Кара-Корум и Пекин (Ханбалык), где в 1303 г. было даже создано католическое архиепископство.

Опустошенная и раздробленная Русь во многом утратила былое международное значение; она потеряла свои владения в Поволжье и Причерноморье, где хозяйничала Орда, и в Прибалтике, где утвердилась власть Ордена. Швеция завоевала Финляндию и оторвала от Руси часть Карелии. Отрезанные друг от друга, отдельные русские земли были захвачены сильными соседями. Обособилась юго-западная Русь (будущая Украина) и в середине XIV в. ею завладели правители Польши и Литвы. Под господством Литвы оказались также земли Полоцко-Минской Руси (будущей Белоруссии) и Смоленска.

В сложившихся исторических условиях русскому народу было чрезвычайно трудно вести борьбу за объединение и освобождение родной земли. И все же народ вел такую борьбу. Достаточно вспомнить антитатарское выступление Новгорода (1259 г.), восстание против откупщиков дани в Ростове, Суздале, Владимире и других городах северо-восточной Руси (1262 г.), вечевые выступления жителей Ростова, Костромы, Твери, обрушивших свой гнев на ордынцев и их приспешников. Значение народных движений огромно. Они заставили ордынских правителей искать иных форм управления Русью — одного террора уже было недостаточно.

Именно волна народных восстаний нанесла первый удар ордынскому владычеству, она смела систему откупов, заставив ханов передать в конце XIII в. сбор «выхода» русским князьям, а затем — отказаться и от системы баскачества. Неутомимый труд русского народа, возрождавшего города и села, освободительная борьба создавали условия для дальнейшей экономической и политической централизации страны.

Не смирились с игом и другие народы нашей страны в разных частях монгольской империи, от Енисея до Терека и Дона вспыхивали восстания: в Суроже (1249 г.), кыргызов на Енисее (1254 г.), в волжской Булгарии (под руководством Бояна и Джигу); долгие годы не подчинялись ханам народы Северного Кавказа, продолжали воевать азербайджанские повстанцы Аррана и жители горного Ширвана⁶⁴.

Под иго Орды попала Болгария, она стала данницей Ногай, но ненадолго. В 1277 г. болгарский народ восстал, предводимый пастухом Ивайлой; борьба, то затихая, то вспыхивая с новой силой, завершилась к началу XIV в. окончательным восстановлением независимости Болгарии от Орды⁶⁵.

По мере возрождения экономической и политической жизни на Руси и расширения освободительной борьбы русского и других народов нашей страны сфера политического влияния золотоордынских ханов в Восточной Европе и размах походов их войск на соседние европейские страны заметно сокращаются.

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В XIV—XV вв. СВЕРЖЕНИЕ ОРДЫНСКОГО ИГА

На протяжении XIV—XV вв. на Руси шел процесс ликвидации политической раздробленности и образования единого государства. Золотоордынское иго тормозило хозяйственное, политическое и культурное развитие русского народа, мешало государственному объединению русских земель.

⁶⁴ С. Секиринский. Очерки истории Сурожа IX—XV вв., Симферополь, 1955, стр. 21; «По следам древних культур», М., 1954, стр. 224; Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч., стр. 36, 42; ср. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны, СПб., 1911, стр. 66, 88—89; Рашид-ад-Дин. Указ. соч., т. III, М.—Л., 1946, стр. 189.

⁶⁵ «История Болгарии», т. I, М., 1954, стр. 143 и сл.

Золотоордынские ханы, используя борьбу правителей отдельных русских княжеств за великокняжеское достоинство, старались натравливать их друг на друга и тем самым ослаблять и удерживать в подчинении. Заслуживает внимания характеристика, данная Рогожским летописцем политике ордынских ханов, стремившихся разжигать распри среди русских князей и тем самым приносящих великое зло народу. Ордынские правители, — говорит летописец, — «омрачив сердце своя многым златом и серебром», посредством которого покупали их помощь враждующие князья, «безбожною своею лестию ввергли мечь и огонь в Русскую землю на крестианскую погибель», «сотворили мятежь в Русской земле»⁶⁶.

Многие князья в борьбе за великое Владимирское княжение погибли в Орде, где их убивали татаро-монгольские правители, или по собственной инициативе (встречая с их стороны сопротивление своим распоряжениям) или по наговорам их соперников из числа русских же князей. В 1304 г., после смерти великого князя Андрея Александровича, претендентами на великокняжеский стол выступили тверской князь Михаил Ярославич и князь московский Юрий Данилович. «И спростася два князя о великом княжении... и поидоша в Орду во споре»⁶⁷. Ярлык на Владимирское княжение достался Михаилу Ярославичу, но князь Юрий в течение полутора десятков лет оспаривал у него великокняжеские права, пока не добился в 1318 г. в Орде казни своего соперника. В 1325 г. столкнулись в Орде в качестве претендентов на Владимирский великокняжеский стол Юрий Данилович и тверской князь Дмитрий Михайлович. Дмитрий убил в Орде Юрия, а затем был сам казнен по приказу хана Узбека. В 1339 г. были убиты в Орде тверские князья Александр Михайлович и его сын Федор.

Стремясь к политическому расчленению Руси и к разжиганию междукняжеских распр, Орда одно время решила поставить во главе Русской земли двух великих князей. В 1327 г. ордынский хан Узбек поделил территорию великого Владимирского княжения между князьями Иваном Даниловичем московским и Александром Васильевичем суздальским. Первому были переданы Новгород и Кострома, а второму — Владимир, Нижний Новгород, Городец⁶⁸. Подобная политика ослабляла Русь, мешала ее политическому объединению.

В 50—70-х годах XIV в. упорную борьбу за великокняжеский стол вел московский князь Дмитрий Иванович. Его главными противниками были князья — суздальско-нижегородский Дмитрий Константинович и тверской Михаил Александрович. Московское княжество к этому времени уже значительно политически окрепло, а Золотая Орда, напротив, стала слабеть. Поэтому Дмитрий Иванович в ряде случаев уже не считался с распоряжениями ордынских властей, добываясь своих претензий военной силой. Так, в 1371 г. тверской князь Михаил Александрович направился из Орды во Владимир с ярлыком на великое княжение в сопровождении посла Сарыхожи. Но князь московский Дмитрий Иванович отказался «сступитьися княжения великаго» и привел к присяге бояр и «людей» (или «черных людей», т. е. торгово-ремесленное население ряда городов) в том, что они не примут в качестве великого князя Михаила Александровича. В то же время Дмитрий Иванович выставил ратные силы, которые должны были не допустить тверского князя во Владимир.

Тогда ханский посол, бывший с Михаилом Александровичем в городе Мологе, послал московскому князю распоряжение прибыть во Владимир «к ярлыку» (т. е., очевидно, принять участие в процедуре возведения на

⁶⁶ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 95—96.

⁶⁷ ПСРЛ, т. 25, стр. 393.

⁶⁸ НПЛ, стр. 469.

великое княжение Михаила Александровича). Дмитрий Иванович на это отвечал: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение на великое [князя Михаила] не пушаю», «а тебе, послу, путь чист» (т. е. ханскому послу будет предоставлен свободный проезд)⁶⁹. Таким образом, усиление Москвы как центра формирующегося Русского национального государства происходило в борьбе с Ордой за независимость.

Существенным политическим завоеванием московской великокняжеской власти, добытым к концу XIV в., было признание Золотой Ордой ее прав на великое Владимирское княжение как «вотчину» (т. е. владение, не получаемое на основе ханского ярлыка, а передаваемое по наследству от отца к сыну в пределах фамилии московских князей). По рассказу Никоновской летописи, хан Тохтамыш объявил, что он «жалует» великого князя Дмитрия Ивановича «во отчине его»⁷⁰. В духовной грамоте самого Дмитрия Донского говорится, что он «благословляет сына своего, князя Василия, своею отчиною, великим княженьем»⁷¹. Такое важное политическое достижение московских князей явилось результатом исторической победы русского народа над татаро-монгольскими войсками, предводительствуемыми темником Мамаем, в 1380 г.

Однако и в дальнейшем вопрос о занятии общерусского стола часто не обходился без вмешательства Орды, где разбирались княжеские распри. Так в 1425 г. московский князь Василий II и его дядя, удельный князь Галича Мерьского и Звенигорода, Юрий Дмитриевич договорились передать в Орду решение вопроса о том, кому из них быть великим князем: «которого царь [ордынский хан] пожалует, тои будеть князь великий владимерьский и Новугороду Великому и всеи Руси...»⁷².

Выражением подчинения Руси Орде были поездки русских князей на поклон к тем ханам, которые приходили к власти. В летописных сводах колоритно описываются опасности, которыми сопровождалась эти поездки⁷³.

В целях поддержания своего господства на Руси Орда сама неоднократно посылала туда вооруженные отряды. Зачастую и русские князья запрашивали у ханов военную помощь для борьбы со своими противниками или для подавления народных движений. В 1316 г. татарские «послы» Сабанчий и Казанчий «много зла сотвориша Ростову»⁷⁴. В 1317 г. московский князь Юрий Данилович привел из Орды татарские отряды во главе с Кавгадыем и Астрабалом, которые помогали ему в войне против тверского князя Михаила Ярославича. В 1318 г. ордынский «посол лют именем Кочка» «пограбил» города Кострому и Ростов. В результате разбойничьих и грабительских действий Кочки у одной Костромы было убито 120 человек⁷⁵. В 1322 г. «много пакости учини» населению Владимиро-Суздальской земли, «и Ярославль взя, и много христиан иссече» «посол силен» Ахмыл, прибывший из Орды на Русь вместе с московским князем Иваном Калитой⁷⁶. В 1333 г. снова появились на Руси ордынские «послы» Тойдый и Сарай⁷⁷.

Приведенные примеры можно умножить. Летописи буквально пестрят данными о нападениях на Русь татарских сил и о вмешательстве Орды в русские дела. Татарские набеги причиняли страшное зло особенно населению городов окраинных русских княжеств: Суздальско-

⁶⁹ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 95—96.

⁷⁰ Там же, стр. 84.

⁷¹ ДДГ, стр. 34, № 12.

⁷² ПСРЛ, т. 18, стр. 168.

⁷³ ПСРЛ, т. 15, вып. 1, стр. 71.

⁷⁴ Там же, т. 25, стр. 161.

⁷⁵ Там же, стр. 161.

⁷⁶ ПСРЛ, т. 25, стр. 167.

⁷⁷ Там же, т. 15, вып. 1, стр. 47.

Нижегородского и Рязанского. В 1365 г. ордынский князь Тагай с «ратию татарскою» напал на Рязанскую землю и выжег ее столицу — Переяславль Рязанский. Последовала «злая сеча», в результате которой Тагай, встретивший энергичное сопротивление, был вынужден отступить «в мале дружине»⁷⁸.

В 1337 г. войско ордынского царевича Арапши (Араб-шаха) нанесло поражение русским военным силам на реке Пьяне (притоке Суры) и затем двинулись к Нижнему Новгороду. Князь нижегородский Дмитрий Константинович, не приняв должных мер по обороне города, бежал в Суздаль. Многие горожане, спасаясь от неприятеля, отплыли вверх по Волге в направлении Городца. Татарские захватчики перебили тех, кто оставался в Нижнем Новгороде («остаточных людей и горожан избиша»), подожгли город, а затем выжгли окрестные села, «повоевали» и взяли в плен множество людей в Нижегородских волостях⁷⁹.

В 1378 г. снова «приидоша татарове ратью изгоном» к Нижнему Новгороду, который еще не успел залечить раны, причиненные ему татарским набегом прошлого года. Князя в городе не оказалось и почти все местное население находилось в бегах («люди ся розбежали, гражане град поврѣгоша, побегоша за Волгу»). Татарские войска вошли в город. В это время в Нижний Новгород вернулся из Городца князь Дмитрий Константинович. Он предложил уплатить захватчикам «окуп», но они отказались принять деньги и опять зажгли город, а на другой день «повоевали» Нижегородский «уезд весь»⁸⁰. Очевидно, татарские набеги преследовали цели не только простого грабежа, но и подрыва материальных ресурсов русских княжеств. Ордынские феодалы стремились обескровить русский народ, нанести ему экономический ущерб, сделать его неспособным к сопротивлению и тем самым удерживать в подчинении.

В 1382 г. жертвой татарского нашествия, организованного ханом Тохтамышем, стала столица формирующегося Русского централизованного государства — Москва. Взяв ее обманом, захватчики учинили там полный погром. Богатый и многолюдный город был превращен в развалины. Погибло, по одним данным, 12 тыс., по другим — 24 тыс. человек⁸¹. Те, кто уцелел от вражеского меча, по словам летописи, захлебнулись в крови, или были задавлены горами трупов («а инии истопоша, а инии трупы и в крови издушишася») ⁸². Враги не пощадили никого, ни малых ребят, ни стариков («от унаго и до старца») ⁸³. Кроме Москвы, Тохтамыш разорил еще ряд городов.

В 1410 г. нижегородский князь Даниил Борисович привел во Владимир отряд татар, разграбивших церкви и захвативших имущество посадских людей. Грабители «златое и сребренное, и кузни, многое и бесчисленное поимаша множество». Количество похищенных денег было столь велико, что захватчики делили их «мерками»⁸⁴.

Тяжелым бременем ложились на население русских земель татарская дань («выход») и многочисленные ханские «запросы». Вначале ордынский «выход» на Руси собирали татарские откупщики или для этой цели присылали из Орды специальные военные отряды во главе с баскаками. Но, как уже говорилось, после ряда освободительных народных восстаний конца XIII — начала XIV в. Орда была вынуждена отказаться от такой системы взыскания «выхода» с русского народа и обя-

⁷⁸ ПСРЛ, т. 25, стр. 80.

⁷⁹ М. Д. Приселков Троицкая летопись. Реконструкция текста, М.— Л., 1950, стр. 403.

⁸⁰ Там же, стр. 415.

⁸¹ ПСРЛ, т. 23, стр. 129; «Устюжский летописный свод (Архангелогорский летописец)», М.— Л., 1950, стр. 62

⁸² ПСРЛ, т. 15, стр. 442.

⁸³ ПСРЛ, т. 18, стр. 132; т. 15, вып. 1, стр. 145.

⁸⁴ Там же, т. 18, стр. 160

занность ее сбора и доставки в Орду перешла к великим князьям московским, тверским, нижегородским, рязанским.

О том, как тяжело приходилось народу, вынужденному платить дань в Орду, можно судить хотя бы по новгородским событиям конца 20—30-х годов XIV в. В 1327 г. в Новгород явились татарские послы «и даша им новгородци 2000 серебра, а свои послы послаша с ними к воеводам со множеством даров»⁸⁵. В 1332 г. новгородцам был предъявлен новый «запрос» от имени Орды. Вернувшийся оттуда великий князь Иван Данилович Калита «възверже гнев на Новъград, прося у них серебра закамское»⁸⁶ (т. е. «серебра», собираемого в виде дани в Новгородских владениях за Камой). Подобное требование вызвало возмущение новгородцев. Желая заставить их выполнить свой приказ, Иван Калита двинул войско в Торжок и перерезал торговые пути к Новгороду. Это обстоятельство заставило новгородское правительство отправить к великому князю послов с предложением 500 руб. И в дальнейшем Иван Калита требовал с Великого Новгорода «выхода» для отправки в Орду, причем во все возрастающем количестве. Когда в 1339 г. новгородцы послали к великому князю послов с «выходом», он, не удовлетворившись этим, стал настаивать на уплате «другого выхода»: «а еще дайте ми запрос цесарев, чого у мене цесарь запрошал». Новгородское правительство заявило протест, указав Ивану Калите: «того [у нас] не бывало от начала миру»⁸⁷.

К 80-м годам XIV в. данническая зависимость Руси от Орды ослабла. Но после похода на Москву Тохтамыша, в 1383 г., сын Дмитрия Донского, великий князь Василий Дмитриевич отправился в Орду с большой денежной суммой («прия царь в 8000 серебра»). Затем, по предписанию ордынского правительства, с русского народа была собрана чрезвычайная «дань великая тяжкая по всему княжению великому; всякому без отдатка; с всякие деревни по полтине»; «тогда же и златом даваше в Орду»⁸⁸. В целях контроля над политикой московского великого князя Тохтамыш взял в заложники его сына Василия, который пробыл в Орде до 1386 г. Контроль этот осуществлялся и иными путями, например, через специальных «послов». Так, в 1383 г. во Владимир прибыл из Орды «лют посол, именем Адашь»⁸⁹.

Используя в своих интересах разгром Золотой Орды войсками Тимура в 1395 г., московское правительство на некоторое время перестало уплачивать «ордынский выход»⁹⁰. Но в 1408 г. Русь сильно пострадала от нашествия одного из ордынских правителей — Едигея. А в 1411 г. великий князь Василий Дмитриевич вынужден был ехать на поклон в Орду «со множеством богатства» для хана⁹¹.

Татарское вмешательство в дела Руси усилилось в период большой феодальной войны второй четверти XV в. Возрос в это время и фискальный гнет, испытываемый русским народом от ордынских правителей. В 1445 г. татарское войско под предводительством князьков Мамутяка и Егупа разбило под Суздалем русскую рать. Великий князь Василий II Васильевич был взят в плен. За свое освобождение он обещал большой выкуп. Его отпустили в Москву, но туда вместе с ним прибыли ордынские посланцы с поручением собрать с населения как можно больше денежных средств⁹². Политические противники Василия II — удельный князь Дмитрий Шемяка и другие, — устроив против него заговор, обес-

⁸⁵ НПЛ, стр. 341.

⁸⁶ Там же, стр. 344.

⁸⁷ Там же, стр. 345, 350.

⁸⁸ Там же, т. 4, стр. 90; ПСРЛ, т. 18, стр. 135; т. 15, вып. 1, стр. 149; т. 23, стр. 130.

⁸⁹ ПСРЛ, т. 25, стр. 211.

⁹⁰ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 140.

⁹¹ ПСРЛ, т. 11, стр. 219.

⁹² Там же, т. 15, стр. 492.

печили себе на время сочувствие населения именно тем, что выставляли себя борцами за освобождение народа от тяжелого ордынского засилья. Заговорщики обвиняли великого князя: «А татар любишь и речь их паче меры, а крестьян томишь паче меры без милости, а золото и серебро и имение даешь татаром»⁹³. Сводя свои политические счета с Василием II, его соперники старались представить дело так, что они защищают общенациональные интересы. Захватив в свои руки великого князя, Дмитрий Шемяка с сообщниками говорили ему: «Се сътворихом христианства деля и твоего окупа; видевше бо се татары, пришедши с тобою, облегчат окуп, что ти царю давати»⁹⁴.

Итак, татаро-монгольское господство тяжелым бременем легло на русский народ. Оно истощало его силы, мешало его нормальному развитию. Лишь сбросив со своих плеч эту тяжесть, мог русский народ идти дальше по пути прогресса.

Борьба широких народных масс против татаро-монгольского ига шла непрерывно. Она подрывала основы ордынского властвования и, в конечном итоге, когда для этого созрели соответствующие предпосылки, привела к его свержению. В ряде случаев народные движения против господства Золотой Орды сливались с борьбой против гнета со стороны русских феодалов, находивших часто общий язык с завоевателями.

В 1320 г. в Ростов явились «злии татарове» (очевидно, для сбора дани), но горожане изгнали их⁹⁵. В 1327 г. поднялись на борьбу с татаро-монгольскими захватчиками тверские посадские люди.

Наиболее ранняя версия о восстании в Твери 1327 г. помещена в Рогожском летописце и Тверском сборнике⁹⁶. Согласно этой версии, причиной восстания явились притеснения, которым подвергал тверское население присланный в Тверь из Орды и поселившийся в великокняжеском дворце баскак Чол-хан (Шевкал, Щелкан Дюдентьевич). Тверские жители («народи же гражданстии»), много страдавшие от Чол-хана и его отряда, неоднократно жаловались своему князю Александру Михайловичу и просили, чтобы он их «оборонил». Тот же призывал народ к терпению. Но чаша народного терпения переполнилась и тверичи восстали. Народное движение началось рано утром, на торгу, по ничтожному, казалось бы, поводу. Татары отняли лошадь у одного дьякона, по прозвищу Дудко. Тот призвал себе на помощь других тверичей, закричав: «О мужи тферстии, не выдавайте!» Призыв дьякона прозвучал как набат. Горожане восприняли его как сигнал к активному антитатарскому выступлению, и между ними и татарами началось сражение («бой»). Считая себя обложенными полнотой власти и потому безнаказанными («надеюся на самовластие»), татары пустили в ход оружие. Началось было смятение, но оно быстро сменилось организованными действиями тверских горожан. Очевидно, к восстанию готовились заранее, в городе звучали колокола, созывая народ на вече. И в дальнейших событиях, судя по летописному рассказу, действует уже не случайная кучка людей, привлеченная криком ограбленного дьякона, а «град» как организация посадских людей, принявших определенное решение на вече («и стаща вечем, и поворотися град весь, и весь народ в том часе собрася...»). В результате восстания татары были перебиты. В Ермолинской летописи имеются сведения о поджоге тверичами княжеского дворца, куда скрылся Чол-хан. Из Орды в Тверь была прислана карательная экспедиция с пятью темниками во главе, жестоко расправившаяся с жителями сел и городов Тверского княжества.

⁹³ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, стр. 443.

⁹⁴ Там же, т. 18, стр. 198.

⁹⁵ Там же, т. 1, вып. 3, стр. 530.

⁹⁶ Там же, т. 18, стр. 415—416; т. 15, ч. 1, стр. 42—44.

Отклики на тверское восстание 1327 г. имеются в народном творчестве. В песне о Щелкане Дюдентевиче сохранились данные о том, что руководили антитатарским движением тверской тысяцкий и его брат⁹⁷.

Редакция рассказа о тверском восстании 1327 г., помещенная в других летописных сводах, отличается от редакции, сохранившейся в Рогожском летописце и Тверском сборнике, тем, что приписывает инициативу выступления против Чол-хана великому князю тверскому Александру Михайловичу. Подобная (извращающая историческую действительность) версия появилась в результате стремления господствующего класса умалить роль народа в борьбе с ордынским гнетом и подчеркнуть значение в этом деле княжеской власти.

Переломным моментом в борьбе с ордынским игом были 70-е годы XIV в. Это время характеризуется подъемом народно-освободительного движения. Особенно крупное народное восстание против ордынского засилия вспыхнуло в 1374 г. в Нижнем Новгороде. Местные жители (очевидно, прежде всего посадские люди) перебили послов ордынского темника Мамай и явившихся с ним татар (по одним данным — до 1000, по другим — до 1500 человек) и захватили их «старейшину» Сарайку с дружиной. Князь Василий Дмитриевич (по другим данным, Дмитрий Константинович) велел своим воинам «Сарайку и его дружину розвести». По-видимому, он хотел их посадить под стражу, может быть, желая спасти от расправы со стороны горожан. Но Сарайка и его люди убежали на двор епископа, подожгли там хоромы и начали стрелять в нижегородцев. Это послужило сигналом к массовому выступлению последних. В результате все члены дружины Сарайки были уничтожены, «и не один от них не избысть возмездия»⁹⁸.

Подъем народно-освободительной борьбы создавал условия для организованного военного выступления против Орды в общерусском масштабе, соединенными силами ряда княжеств. К концу XIV в. сложились достаточные материальные и политические предпосылки для подобного выступления.

В 1378 г. темник Мамай, добившийся власти в Орде, послал на Русь большое войско во главе с военачальником Бегичем. Навстречу ему со значительными военными силами выступил великий князь Дмитрий Иванович. На реке Воже, в Рязанской земле, произошла встреча противников, закончившаяся победой русских воинов. Это было первое в XIV в. организованно проведенное русскими сражение с татарами, в котором последние потерпели поражение.

В 1380 г. Мамай предпринял новый большой поход на Русь. Его цель различные источники определяют по-разному: стремлением добиться увеличения суммы дани с русских земель, желанием отомстить за поражение на реке Воже, попыткой повторить погром, учиненный на Руси во время Батые. Во всяком случае это был не обычный грабительский набег. Это было подготовленное в крупных масштабах военное нападение, которое в случае успеха должно было внести перелом в русско-ордынские отношения, заставить Русь подчиниться силе Орды.

Источники не дают точных сведений о численности войск Мамай и иногда называют явно гиперболические цифры. По-разному определяют различные летописные своды и численность русской рати, выступившей навстречу Мамаю. М. Н. Тихомиров предполагает, что татарские и русские силы были примерно равными и составляли по 100—150 тыс. воинов⁹⁹.

⁹⁷ «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», М., 1938, стр. 21—24, № 4.

⁹⁸ ПСРЛ, т. 15, ч. 1, стр. 106—109; т. 8, стр. 21—22; т. 11, стр. 20—21; т. 18, стр. 114—115; т. 23, стр. 118.

⁹⁹ М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 г. «Вопросы истории», 1955, № 8, стр. 16.

Трудно дать точный ответ на вопрос о том, какие именно русские земли выставили воинов. Однако, надо думать, собралось воинство из многих княжеств. Рать была общерусская. Уклонились от участия в борьбе с Мамаем земли Рязанская и, по-видимому, Новгородская и Тверская. Не было полков смоленских.

На защиту родины встали не только княжеские слуги, но и широкие народные массы. Из числа погибших на поле битвы источники называют таких простых людей, как Юрка сапожник, Васюк Сухоборец, Сенька Быков, Гридя Хрулец¹⁰⁰.

Русская и татарская рати встретились 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле, в устье реки Непрядвы, впадающей в Дон. В трудном и кровопролитном сражении русские одержали замечательную, хотя и стоившую очень больших жертв победу над противником.

Куликовская битва, в которой проявился подлинный героизм русского народа, имела большое историческое значение. После нее Орда уже не смогла оправиться. Ее близкая гибель стала неизбежной. Сражение на Куликовом поле явило пример освободительной борьбы для всех славянских народов, народов Прибалтики, Молдавии против турецких, немецких и других захватчиков. Куликовская битва получила широкий международный отклик. В «Задонщине» — художественном произведении, посвященном этому событию, говорится, что слава о ней дошла до славянских стран Балканского полуострова, Константинополя, Рима, Кафы: «Шибла слава к Железным вратам, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду на похвалу: Русь великая одолеша Мамай на поле Куликове»¹⁰¹.

После Куликовской битвы, в 1382 г., совершил поход на Москву хан Тохтамыш, правление которого в Орде было временем ее известного политического подъема. Когда весть о приближении Тохтамыша дошла до Москвы, великий князь Дмитрий Иванович сделал попытку собрать ратные силы. Но ряд князей и бояр не верил в возможность отбить татарский натиск. Рознь, царившая в их среде, парализовала действия великокняжеской власти. Кроме того, чувствовались тяжелые последствия Куликовской битвы, временно ослабившей Русь. Дмитрий Иванович, оставив город, уехал в Переяславль, а затем в Кострому. Одной из причин, вызвавших его отъезд, было, по-видимому, вспыхнувшее в Москве народное восстание. Наиболее правдивое описание его дает Ермолинская летопись. Народ стал звонить в колокола, созывая вече. На вече было, по-видимому, решено готовить город к обороне. Горожане организовали охрану всех городских ворот и никого не выпускали. На крепостной стене была поставлена стража из вооруженных москвичей. Бояр, пытавшихся бежать из города, посадские люди задерживали, отнимали у них имущество, забрасывали их с крепостных стен камнями. Были задержаны митрополит Киприан и жена князя Дмитрия Ивановича Евдокия. Лишь с большим трудом им удалось уйти из Москвы, но имущество им отдано не было.

В это время в Москву явился один из находившихся на Руси литовских князей, внук Ольгерда Остей. По-видимому, вече призвало его в качестве военачальника. Осада Москвы Тохтамышем продолжалась три дня. Москвичи мужественно сопротивлялись. Они стреляли в захватчиков, кидали в них камни, обливали кипятком. В качестве орудий защиты москвичи применяли тюфяки (вид огнестрельного оружия) и пушки. Летопись рассказывает о подвиге суконника Адама, поразившего насмерть стрелой, выпущенной со стены у Фроловских ворот, видного ордынского князя, приближенного Тохтамыша. Лишь обманом татарам удалось захватить город. При посредничестве двух нижегородских кня-

¹⁰⁰ «Повести о Куликовской битве», М.—Л., 1959, стр. 198.

¹⁰¹ Там же, стр. 13

зей-предателей Тохтамыш уговорил москвичей послать своих представителей для переговоров. Татары перебили их и ворвались в город. Москва была разграблена и сожжена ¹⁰².

Большую роль сыграли народные массы в обороне Москвы во время нашествия Едигея в 1408 г. Узнав о приближении татар, великий князь Василий I Дмитриевич отправился в Кострому, очевидно для сбора рати. В Москве руководить обороной остались дядя Василия I князь Владимир Андреевич серпуховский и братья великого князя. Здесь собралось много пришлого окрестного населения, бежавшего от татар. В городе происходило нечто, напоминающее события 1382 г. Состоятельные люди пытались бежать. Среди народных масс нарастало недовольство.

Едигей подошел к Москве в конце ноября и стал в селе Коломенском. Его войска пограбили Переяславль, Дмитров, Серпухов, Верею, Юрьев, Ростов, Нижний Новгород, Городец и другие города. Москвичи укрепляли свой город, встречая татар стрельбой. Едигей попытался заставить противника Василия I — тверского князя Ивана Михайловича — прислать военную помощь, но тот уклонился. Получив весть о новых междоусобицах в Орде, Едигей взял с москвичей трехтысячный откуп, снял осаду и отправился в обратный путь.

Едигею не удалось повторить то, чего добился в 1382 г. Тохтамыш — разгромить Москву. И Русь и Орда уже были не те. Распад Золотоордынского государства шел одновременно с политической консолидацией русских земель. Борьба с Ордой расценивалась как общенациональное дело. Враждовавшие между собой правители отдельных княжеств должны были считаться с требованиями народных масс и боялись, как это видно на примере тверского князя Ивана Михайловича, поддерживать ордынских правителей.

Народно-освободительное движение усилилось в период феодальной войны второй четверти XV в., во время которой Орда пыталась возродить свое господство над Русью. В 1445 г. произошло народное движение в Москве. Поводом к нему послужило поражение русского войска от татар под Суздалем. Московский великий князь Василий II Васильевич попал в плен. Ждали, что татарские военные силы двинутся к Москве. А в городе в это время вспыхнул пожар. Сгорело большое количество зданий. Погибло много людей. Все это вызвало сильное возбуждение народа. Зажиточные москвичи (феодалы, богатые купцы) стали уходить из города. Но рядовые горожане (которых летописи называют «чернь» или «чернь, худые люди») проявили стойкость. Они не поддавались слухам о татарской опасности, оставались на месте, задерживали тех, кто пытался бежать из Москвы, избивали их, налагали на них оковы. «Черные люди» вели и созидательную работу: чинили укрепления, пострадавшие от пожара. В результате решительных мер, принятых посадскими людьми, в городе восстановилось спокойствие ¹⁰³.

Русь освободилась от татаро-монгольского ига в 1480 г. после неудачного похода на нее Ахмед-хана. Об этом походе сохранились разносечивые известия летописей. Во всяком случае несомненно, что Ахмеду не удалось пройти дальше реки Угры — притока Оки. Русские войска сумели его остановить и сделали это по инициативе народных масс. Среди части бояр были сильные пораженческие настроения. Летописец осуждает «злых человек сребролюбец, богатых и брюхатых, и предателей хрестыанских, и норовников бесерменьских», которые доказывали Ивану III, что сопротивление неприятелю безнадежно: «Не мози с ними стати на бой». Ряд бояр ссылался при этом на печальный опыт прош-

¹⁰² ПСРЛ, т. 23, стр. 127—129; М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках, М., 1957, стр. 223—228, 247—251.

¹⁰³ ПСРЛ, т. 18, стр. 195.

лого: на взятие Тохтамышем Москвы в 1382 г., на пленение татарам Василия II в 1445 г. Сам Иван III проявил нерешительность и боязнь активных действий.

В Москве ждали прихода татар («а татарове искаху дороги, куды бы тайно перешед, да изгоном ити к Москве») и готовились к встрече с ними. Город укреплялся. «Черные люди» требовали от правительства, чтобы оно возглавило руководство делом защиты Руси и ее столицы Москвы и чтобы Ахмед-хану был дан должный отпор. Когда Иван III приехал с театра военных действий в Москву и появился на посаде, жители окружили его и стали требовать активизации борьбы с татарами. «Начаша князю великому обестужився глаголати и изветы класти, ркуще: Егда ты, государь князь велики, над нами княжишь в кротости и тихости, тогда нас много в безленице продаешь; а нынеча разгневив царя сам, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татаром». Учитывая неспокойное настроение московских посадских людей, которые «роптаху на великого князя», князь боялся даже оставаться в своем городском дворе и жил в Красном селце. Он опасался «граждан мысли злыя поимания», т. е. остерегался, что его могут задержать¹⁰⁴.

Вынужденный считаться с требованиями посадских людей, среди которых назревало движение против «богатых и брюхатых» бояр, Иван III вернулся к войску¹⁰⁵. Планы Ахмед-хана провалились.

Народ отстоял свою независимость. Татаро-монгольское владычество, в течение двух с лишним столетий изнурявшее нашу родину, пало¹⁰⁶.

В XIV—XV вв. вместе с русским народом тяжелый гнет монгольского владычества испытывали народы Средней Азии и Кавказа. Улус Чагатай в XIV в. распался на два государственных образования, из которых в одно входили Могулистан в Семиречье и Восточном Туркестане, в другое — Мавераннахр (где правили Чагатаиды). Между правителями этих государств происходили непрерывные раздоры и войны, разорявшие страну. Многие города были разрушены. Земледелие приходило в упадок.

Во второй половине XIV в. стал продвигаться к власти даровитый и честолюбивый эмир Тимур, или Тамерлан. В союзе с эмиром Хусейном он захватил власть в Мавераннахре, затем устранил Хусейна и сделался единовластным правителем. В течение своего длительного правления (1370—1405 гг.) он совершил целый ряд грабительских завоевательных походов в Хорезм, Закавказье, Иран, Малую Азию, в Индию. В 80—90-х годах он вел борьбу с ханом Золотой Орды Тохтамышем. В отношении населения, отстаивавшего свою независимость, завоеватель действовал жестоко и беспощадно. Горы трупов оставались на местах сражений. Убитых бывало так много, что, по рассказам, из их черепов возводились башни. Пленных убивали или живыми закапывали в землю.

Города разрушались, их равняли с землей. Из завоеванных стран в Мавераннахр вывозились груды ценностей, туда насильственно переводилось ремесленное население. За счет опустошений и грабежа цветущих когда-то областей Тимур украшал Мавераннахр вновь выстроенными дворцами, мечетями и другими великолепными сооружениями. Но народ оставался в нищете.

Народные массы не прекращали освободительной борьбы. В 1365 г. произошло большое восстание в Самарканде. Город находился в это время под угрозой нападения могулистанских войск. Он не имел укреплений, ибо монголы запрещали их возводить, боясь народного движения. Феодалы бежали из Самарканда, бросив его на произвол судьбы.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 223—224, 230—232.

¹⁰⁵ М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках, стр. 231—237.

¹⁰⁶ Взаимоотношения Руси и Орды освещены в книге Л. В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках», М., 1960.

Горожане взяли в свои руки дело обороны города. Его возглавил учащийся медресе Маулан-заде и ремесленник, трепальщик хлопка Абу-Бекр Келеви. Они принадлежали к числу сербедаров (так назывались участники антимонгольского движения, возникшего в 30-х годах XIV в. в Хорасане). Маулан-заде выступил в мечети с речью, в которой клеймил местных феодалов и призывал горожан к сопротивлению монголам. Знать не поддержала Маулан-заде, а народ пошел за ним. Натиск могулистанских войск был отбит. В городе установилась народная власть. В 1366 г. Хусейн и Тимур хитростью сумели подавить восстание сербедаров.

В 1388 г. произошло восстание против Тимура в Хорезме в связи с известием о нападении на Мавераннахр Тохтамыша. Тимур совершил в это время пятый поход на Хорезм, беспощадно уничтожая все на своем пути. Захватив Ургенч, Тимур распорядился смести его с лица земли, а место, где он находился, засеять ячменем.

Итак, со всей жестокостью, на которую только был способен среднеазиатский деспот, расправлялся он с любыми проявлениями народного недовольства. Потоки крови проливались там, где начинались волнения. Однако народно-освободительные движения сыграли свою роль в распаде Чагатайского государства после смерти Тимура¹⁰⁷.

Народы Закавказья до середины XIV в. находились в составе государства Хулагидов с центром в Азербайджане. Во второй половине XIV в. им пришлось испытать ужасы нашествия Тимура и его борьбы с Тохтамышем. Особенно большие несчастья принес народам Закавказья поход Тимура 1399—1405 гг., названный семилетней войной. Тимур вторгся в Азербайджан, Грузию, Армению. «Во время военного похода на Грузию войска Тимура проникли в недоступные горные и лесистые местности, значительно продвинулись в глубь страны и благодаря численному превосходству одержали победу над грузинскими войсками, оказавшими упорное сопротивление войскам Тимура. В результате ожесточенных боев крестьянское хозяйство Грузии стало объектом грабежа со стороны войск Тимура, население в значительной части было перебито, города и деревни были разрушены и опустошены»¹⁰⁸. Борьба Тимура и Тохтамыша захватила территорию Северного Кавказа, где население буквально истреблялось.

Кровавое дело, начатое Чингис-ханом и продолженное его потомками, дорого обошлось русскому народу и другим народам нашей Родины, принесло им неисчислимые бедствия. Поэтому напрасно пытаются некоторые историки оправдать действия Чингис-Хана тем, что он якобы покончил с феодальной замкнутостью и содействовал сближению народов. Эти историки закрывают глаза на то, что завоевания Чингис-Хана, подорвав экономику ряда стран, на многие десятилетия затормозили их консолидацию и взаимное сближение. Освободительная борьба народов против деспотии Чингис-Хана и его преемников являлась актом величайшего прогресса.

¹⁰⁷ «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. II, М., 1953, стр. 648—661.

¹⁰⁸ А. А. Али-заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956, стр. 392.